

УДК 304.2

И. Р. Либина

Е. И. Рабинович

г. Екатеринбург, Россия

**«РЕГГЕЙ НА ГРЯЗНОМ СНЕГУ»: КУЛЬТУРА РАСТАФАРИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

АННОТАЦИЯ. Рассматривается культура растафари как реакция на социально-экономический кризис в Ямайке конца 1930-х гг. Выявляется роль общественного деятеля Маркуса Гарви в качестве «пророка» растафарианства. Проводится параллель с ситуацией в России 1990-х гг., когда, в результате слома советской системы и последующего за ним кризиса идентичности, возникла российская субкультура растафари.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: растафари, социально-экономический кризис, культурная идентичность, новая религиозность, раста, реггей

I. R. Libina

E. I. Rabinovich

Yekaterinburg, Russia

**«I AM DANCING REGGAE ON THE DIRTY SNOW»:
RASTA IN POST-SOVIET RUSSIA**

ABSTRACT. In this article rastafari culture is ranked as a response to the socioeconomic crisis in Jamaica in the late 1930s. The public man Marcus Garvey is viewed as a prophet of Rastafari. The situation in Jamaica in 1930s is compared to the one in Russia in 1990s. As a result of the crush of soviet system and the crisis of identity rastafari culture has grown up.

KEYWORDS: rastafari as culture, socioeconomic crisis, cultural identity, new religiosity, rasta, reggae

Условно культура растафари представляет собой сумму продуктов материальной и духовной деятельности последователей религиозно-философского учения, возникшего на Ямайке в 1930-х годах. Рассмотрим некоторые социально-экономические предпосылки возникновения этой культуры.

К 1930-ым годам экономика Ямайки оказалась в кризисе, вызванном последствиями «великой депрессии», стагнацией банановой промышленности из-за «панамской болезни», падением мировых цен на сахар, растущей безработицей, свертыванием возможностей эмиграции, быстрым ростом населения [2]. Поскольку банановая и сахарная промышленность составляли основу экономики Ямайки, кризисные явления в этих сегментах определяли экономическую ситуацию острова. Ситуация

усугублялась и тем, что фактически до 1962 года Ямайка является колониальным владением Великобритании. Один из крупнейших исследователей культуры растафари Л. Барретт отмечает, что: «каждый аспект жизни ямайского общества контролировался европейцами. На тот момент для жителей Ямайки представлялось почти невозможным улучшить свое положение» [1].

Кажущиеся неразрешимыми социально-экономические проблемы создали благоприятную почву для возникновения культу, который должен был объяснить причины социального неравенства, угнетения, нищеты и т.д. В подобной ситуации ямайское общество нуждалось в харизматичных лидерах, которые могли бы воодушевить народ и показать пути выхода из кризиса. Такими лидерами стали обще-

ственные деятели Маркус Гарви и Леонард П. Хоуэлл. Первый из них стал фактическим пророком нового культа: «во-первых, он хотел создать всемирное братство представителей негроидной расы; во-вторых, он мечтал увидеть развитие Африки от отсталого и колониального континента к самодостаточному «гиганту» <...> в-третьих, он хотел видеть в Африке место, в которое любой чернокожий человек может вернуться» [1]. В условиях кризиса, проповеди М. Гарви помогали сформировать новую, более привлекательную идентичность. Осознание того, что ты не одинок в этом мире, что где-то есть твой настоящий Дом, позволяло поверить в свои силы и уникальность. Дж. Оуэнс говорил о М. Гарви: «Гарви активировал подсознательные, подавленные желания чернокожих людей. Подобным образом Раства активировала подсознание чернокожего населения Ямайки» [3].

Религиозно-философское учение, ставшее ответом на кризис 1920–30-х годов, со временем отливается в форму новую идентичность – культуру растафари. Последователь нового учения был уже не бедным ямайцем из Настоящего, но еще не африканцем мира Будущего. Творческий потенциал такого промежуточного положения стал почвой для развития огромного количества идей, которые были нацелены на движение к духовному совершенству, оказывая активное сопротивление деструктивным реалиям жизни. Идеологическим фундаментом этих идей стало инспирированное М. Гарви движение «Назад в Африку», которое подразумевало не столько физическое переселение, сколько воссоздание африканской идентичности. Л. Барретт отмечает, что: «философия М. Гарви "Африка для африканцев – дома и за границей" была использована различными движениями чернокожих после его смерти. Среди Растафари распространено мнение, что <...> М. Гарви сказал: "Устремляйте свой взор к Африке, к коронации Чернокожего Короля, он будет Спасителем". Для Растафари этим королем стал Хайле Селассие» [1].

Известие о том, что скоро на другом континенте появится персонифицированный Живой Бог, который всех спасет, вызвала мощный эмоциональный отклик. Впрочем, сам М. Гарви, вероятно, не имеет отношения к этому пророчеству. Н. А. Соновский отмечает, что «легендарная фраза о единении чёрной расы вокруг будущего могучего императора ему приписывается. Мало того, невольно став основоположником культа, сам Гарви к нему относился неприязненно» [7]. Возможно, недовольство Гарви было вызвано крахом надежды занять африканский трон (известно, что он придумал для себе титул «Временного императора Африки» [1]). Впрочем, в культуре растафари М. Гарви и сегодня считается пророком.

Интересную параллель можно провести между Ямайкой позднеколониального периода и российской культурой 1980-1990-х годов. После распада СССР, подобно ситуации, сложившейся на Ямайке в 1930-е годы, остро возникла потребность в конструировании новой идентичности. Культура растафари выступила здесь одной из самых экзотических моделей для сборки.

Растафарианство проникает в позднесоветский культурный ландшафт через музыку реггей. Достаточно скоро период простого потребления переходит в творчество, рождая самобытное направление – русскоязычную музыку реггей. Вероятно, первооткрывателем реггей в музыкальной среде стала группа «Аквариум» (песни «Единственный дом (Джа даст нам всё)», «Река», «Рутман» с «Синего Альбома» 1981 года). Первой культовой реггей-группой стал «Комитет Охраны Тепла». Рок-музыкант А. Паршиков так охарактеризовал песни лидера «Комитета охраны тепла» Сергея Белоусова («Олди»): «в опусах Олди в единое целое сплелись мрачные напевы наших северных широт, тюремные прихваты, и безнадега. <...> Трагизм ситуации Олди: душа его тянется к сказочной Ямайке, но кругом «красные волки», «серые крысы» и Суровая северная страна.

Поэтому ему приходится танцевать «реггей на грязном снегу» [6].

Немного странное заимствование нуждается в дешифровке. Чем антиколониальное музыкальное направление могло привлечь советских людей? Вероятно, тем, что произошла любопытная инверсия и реггей прочитывался как музыка «советских негров». Удушающая атмосфера времен заката СССР, провоцировала специфические ассоциации. Советский человек – это белый негр. Коммунистическая партия – локальная версия колонизатора. Характерно, что русскоязычный реггей в его наиболее интересных ранних вариантах 1980-х годов создается именно на колониальной советской периферии: «Комитет охраны тепла» в Калининграде, эксперименты на стыке реггей и панка Егора Летова в Омске, «сибирской колонии» (проект «Посев» – предтеча «Гражданской обороны»). Фактически, это позволяет сделать отечественную музыку реггей 1980–90-х годов объектом постколониальных исследований. Мрачный, жесткий позднесоветский реггей, чем дальше к востоку страны, тем больше переходящих в панк, вполне вписывается в европейское восприятие стиля, как и всей культуры растафари. Так Джонни Роттен («Sex Pistols») говорил о панке как «реггей белых людей». Многие молодые англичане конца 1970-х как и молодежь советского Омска прочитывали се-

бя как «белых негров». Ситуация усугублялась климатом – желание вернуться назад, на африканскую прародину, в февральской Западной Сибири приобретает большую остроту, чем в Манчестере. Особую прелесть позднесоветской культуре растафари добавляла связь церковью – эфиопская православная церковь догматически дружелюбна русской.

Любопытны и аналогии между дальнейшей трансформацией культуры растафари в ямайском обществе 1970-х и российском 2000-х: религиозное, предельно идеологизированное растафарианство стало превращаться в субкультуру с доминантным вниманием к внешним атрибутам. В одном из интервью Олди говорил об этом так: «Я сразу предсказывал, что из этой чистой культуры, которая от сердца идет, сделают конфетку. Суть утеряна. Истинные растаманы – люди божественные. <...> Быть растаманом, это не развлечение, это тяжелая-тяжелая работа. Косички – это косичкам, а Богу – Богово» [5]. Фактически, подобно М. Гарви, отказавшегося от титула «пророка растафарианства», Олди испытал глубокое разочарование, считая, что растафарианство превратилось в заплетание дредов, курение марихуаны и использование цветовой символики эфиопского флага (красный, желтый, зеленый) в качестве деталей стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barrett, L. The Rastafarians: the dreadlocks of Jamaica. – URL: <https://archive.org/details/rastafariansdrea00barr> (дата обращения: 10.03.2018).
2. Jamaica information service. – URL: <http://jis.gov.jm/information/jamaican-history/>
3. Owens, D. Dread: The Rastafarians of Jamaica. – URL: <https://archive.org/details/dreadrastafarian00owen> (дата обращения: 10.03.2018).
4. Новый солдат покинул свой пост. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2010/11/08/a_3435479.shtml
5. Олди. Быть растаманом – не развлечение, а тяжелая-тяжелая работа. – URL: https://vk.com/komitetoхранitepla?z=video-13725717_456239021%2F188f3e00a763f7e6c1%2Fpl_wall_-13725717
6. Паршиков А. Реггей на грязном снегу: о трибьоте Олди. – URL: <http://www.siapress.ru/blogs/27142>
7. Сосновский Н. А. Культура растафари. – URL: http://www.libros.am/book/read/id/164905/slug/kultura-rastafari-1#n_200